12+

АНДРЕЙ ХУТОРСКОЙ

ТРИ ОГНЯ. СЛИЯНИЕ РЕК

КНИГА 2

Андрей Хуторской
Три огня. Слияние рек. Книга 2

https://litres.ru/74900303
ISBN 9785007166676

Аннотация

Авары идут за данью и уводят детей, бойники в волчьих шкурах грабят обозы, а в лесу на Карачун пропадает девочка. Радим ищет сестру, рискуя жизнью. Вятша противостоит аварам не силой, а знанием. Любава останавливает всадников, бросив камень на лёд. Среди врагов — аварский мальчик. Радим лечит его и обретает друга. Мальчик говорит своему дяде: «Остановись» — и авары уходят. Славянское историческое приключение об испытаниях, дружбе и силе слова. Для читателей 12–16 лет и их родителей.

Содержание

Оглавление 5
Введение. Дорога 8
Глава 1. «Пропавшая» 20
Глава 2. «Дань» 48
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Три огня. Слияние рек
Книга 2

Андрей Хуторской

© Андрей Хуторской, 2026

ISBN 978-5-0071-6667-6 (т. 2)
ISBN 978-5-0071-4577-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оглавление

Введение. Как устроена эта книга

Три героя, три племени, три огня. «Мой огонь» — для подростка, «Моя мудрость» — для взрослых.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДОРОГА

Где каждый идёт один. Где враг — не всегда чужой.

Глава 1. «Пропавшая» — *Радим*

Пропадает Ждана, младшая сестра. Зимний лес. Карачун — самая длинная ночь. Леший не пускает — три испытания: имя, руны, дерево. Болото. Болотник. Живой огонь. Волчица с волчатами. Бойники в волчьих шкурах — свои, отпавшие от рода. Нож в обмен на проход. Спасение Жданы из ямы. Дым на востоке — не от костров.

Глава 2. «Дань» — *Вятша*

Авары приходят за данью — меха, мёд, воск, серебро, — и за детьми. Вятша выходит вперёд. Один. Вместо всех. Лечит старика-авара личинками и холодом. Год у аваров. Водосвет — вода святая.

Глава 3. «Сон» — *Любава*

Громница — первый гром. Любава уходит в лес. Кикимора предупреждает: бойники рядом. Дуб. Родник. Голос возвращается. Лисёнок. Вещий сон: Перун и Лада. Пантеон. Песня. «Хуже. Свои».

Глава 4. «Плен» — *все трое*

Радим идёт с грамотой к кривичам. Находит бойников у костра — видит обозный мешок. Плен. Верёвка о кору — всю ночь. Бронислав: «Я не забыл, что я свой». Побег. Кикиморы — последний толчок. Бронислав возвращает нож. «Пока».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОГОНЬ

Где враг становится братом. Где огонь ищет огонь.

Глава 5. «Авары» — *все трое*

Авары клеймят детей. Вятша бежит за Мечиславом. Радим читает следы, считает врагов. Любава поёт — авары боятся. Радим у клетки — первая чужая кровь. Тэнгиз, аварский мальчик: «Я не хотел воевать». Радим лечит Тэнгиза — враг перестаёт быть врагом.

Глава 6. «Треугольник» — *все трое*

Радим и Вятша — соперники. Домовой ест кашу: «Дураки». Лёля чинит сеть. Лада выжигает на коже парящего сокола. Мать показывает рубец на плече: «Гордость мужчин — снаружи. Наша — внутри». Любава не выбирает. На шее — костяной конёк, в руке — дудка. Дудка звякнула о конёк — тихо, но твёрдо.

Глава 7. «Бойники» — *Вятша*

Вятша идёт к бойникам один, без оружия. Логово — перевёрнутые челны, вкопанные в землю. Испытание: «Иди без факела, пока не увидишь свет». Темнота, светлячок на пеньке. Борьба — ломают ключицу, он уходит без удара. Дубовая ветка в чужой костёр. Атаман с оберегом — на-

мёк на отца Любавы.

Глава 8. «Слияние рек» — *все трое*

Перунов день. Три костра: кремень, лучок, огниво — одно пламя. Обряд: кора, конёк, дудка — в огонь. Пояса булинем — в Десну, узел плывёт. Клятва. Гром — Перун принимает. «Вам некуда падать». Бой. После — тишина: костёр трещит, Десна шумит. Нить на ветке.

Эпилог. «Искры»

Радим точит ножи. Вятша спит с открытыми глазами. Любава плетёт пояса. Макошь — в отражении воды. Общий секрет. «Впереди — стать собой».

Введение. Дорога

Ты прочитал первую книгу

Ты знаешь Радима. Мальчишку из радимичей, который не помнил имён предков. Ты знаешь, как дед сказал ему при всём роде: «Ты — никто». И как Радим ушёл к Десне. И как нашёл три имени. Ждан. Любава. Вятич. Пленник. Ведунья. Воин. Три судьбы. Три нити. Три огня.

Ты знаешь Вятшу. Сына Буйтура. Внука Вятко. Мальчишку из вятичей, который не знал, зачем ему сила. Ты знаешь, как погиб его брат Хотимир. И как Вятша убил пленного — и не почувствовал ничего. И как Велес пришёл к нему волком. И как Морена научила его тризне. И как прошёл «лесную школу». И как получил меч из рук Мечислава. И как узнал, что его имя значит не «большой», а «вящий». Тот, кто вяжет. Тот, кто связывает.

Ты знаешь Любаву. Дочь Ярославы. Внучку Любомилы. Девчонку из кривичей, у которой пропал голос. Ты знаешь, как она встретила домового. Лешего. Русалку. Кикимору. И как вылечила раненого — сама, без опыта, без знаний, только чутьём. И как услышала знание: «Ты — не сказительница. Ты — ведунья». И как встретила Радима. И как он взял её за руку.

Ты знаешь, что они — три огня. Которые тлели. Поодиночке. Дома. В тишине. В разговорах с дедом. В играх на иг-

рищах. В обрядах на капище.

Но ты не знаешь, что будет дальше.

А дальше — дорога

Радим выйдет из дома. Один. Ночью. В Карачун. Искать сестру. Ждану. Которая ушла за хворостом — и не вернулась. Он возьмёт нож. И руны — кору с «чертами и резами», которые вырезал тайком, по ночам, три луны. Он пройдёт через Лешего, через болото, через живой огонь — ладони в крови, волдыри, боль. Он потеряет поршни и пойдёт босиком по снегу. Он вылечит волчицу — и она проведёт его. Он отдаст нож бойникам — и пройдёт. Он вытащит Ждану из ямы.

Вятша узнает про аваров — сначала по следам. Разведчик-мальчишка прибежит с вестью. Совет старейшин. Потом — топот, щелчок тетивы, тишина. Авары не кричат — они работают. Вятша выйдет вперёд. Молча. Телом. Между своими и чужими. Он вылечит старика — снегом, личинками, водой — и купит год мира. А когда год кончится — возьмёт меч.

Любава возьмёт дудку. Отцовскую. Ясеневую. Ту, что нашла тайком и носила за пазухой. Она уйдёт в лес — в Громницу. Голос вернётся через боль: ледяная вода, спазм, первый чистый звук. Она найдёт лисёнка в капкане — и разожмёт пружину. Она увидит богов. Перун пахнет озоном и раскалённым железом. Лада — парным молоком и липовым

цветом. Гром сбивает с ног.

А потом — плен. Все трое — у бойников. Три узора на одежде: радимичские «змеи», вятичские «молнии», кривичские «ветви». Разные — но рядом. Кикиморы поют частушки про лягушек — и бойники бегут. Радим снимет скользящую петлю — без ножа, поворотом против жилы. Бронислав, молодой бойник с медным крестом под волчьей шкурой, вернёт нож. «Пока».

А потом — авары. Клеймо на детских ладонях. Засада из леса — удар, растворение, снова удар. Любава поёт колыбельную — и авары засыпают. Вятша опускает меч. Молча. Без слова. Радим лечит аварского мальчика Тэнгиза — высасывает яд, прикладывает землю. Враг перестаёт быть врагом.

А потом — треугольник. Радим и Вятша любят одну. Любава не выбирает. Домовой ест кашу и говорит: «Дураки». Лёля чинит сеть: «Род — это не взгляд. Это руки». Лада выжигает сокола: видит с высоты, не держит. Мать показывает рубец: «Гордость мужчин — снаружи. Наша — внутри».

А потом — бойники. Вятша идёт один. Без оружия. В темноту — без факела. Светлячок на пеньке. Ему ломают ключицу — он уходит и не бьёт. Кладёт дубовую ветку в чужой костёр. Атаман — с серыми глазами и оберегом, от которого веет тайной.

А потом — слияние. Три костра. Три способа добыть огонь. Одно пламя. Пояса, связанные булинем, плывут по Десне. Гром после клятвы. «Перун бьёт сверху. Мы — сни-

зу. Вам некуда падать». И — тишина. Костёр трещит. Десна шумит. Гром бьёт далеко. Перун принимает.

Что нового в этой книге

Новые опасности.

Бойники. Славяне, отпавшие от рода. Живут в лесах — в перевёрнутых челнах, вкопанных в землю. Чёлн без воды. Лодка без реки. Изгой, потерявший путь. В волчьих шкурах. Грабят. Но — они свои. Их нельзя просто убить. Их надо — понять. Или — вернуть. Или — связать. Радим отдаст им нож — и пройдёт. Бронислав, молодой бойник с медным крестом под волчьей шкурой, не забудет. И вернёт. «Пока».

Авары. Кочевники. Пришли из прикаспийских степей в середине VI века. Жестокие. Сильные. Беспощадные. Они не кричат — они работают. Тишина аваров страшнее крика. Они клеймят детей раскалённым железом — знак собственности. Они подчиняли славянские племена, использовали их как «пушечное мясо». «Повесть временных лет» рассказывает, как аварин запрягал в телегу славянских женщин — по три, по четыре, по пять — и ездил на них. Как на скоте.

Но среди аваров — не только враги. Тэнгиз — аварский мальчик. Сын бека. Он не хотел воевать. Не хотел брать детей. Он просто — рядом. Потому что отец. Потому что род. Потому что надо. И когда Радим вылечит его — высосет яд, приложит землю — Тэнгиз перестанет быть врагом. Станет — мальчишкой. Ровесником. Таким же. Только — с другой

стороны.

Новая тема.

Первая книга была о корнях. О памяти. О роде. Каждый герой искал себя. Дома. В одиночку. В тишине.

Вторая книга — о дороге. О встрече. О доверии. Каждый герой выходит из дома. И — встречает другого. Не «кто я?» — а «кто мы вместе?». Не «что я знаю?» — а «что я могу отдать?». Не «чего я хочу?» — а «чего мы хотим вместе?»

Это труднее. Потому что вместе — значит доверять. Значит уступать. Значит — меняться. А меняться — страшно. Особенно — когда ты уже знаешь, кто ты. Особенно — когда ты уже нашёл своё. Особенно — когда ты уже — не один. Но — и не вместе. Пока.

А ещё — о том, что враг не всегда враг. Иногда враг — мальчишка. Такой же, как ты. Который не хотел. Который просто — рядом. И если ты увидишь в нём человека — он станет другом. А если не увидишь — останется врагом. Навсегда.

А ещё — о том, что любовь — это не выбор. Иногда любовь — это «вместе». Три огня, горящие рядом. Не сливаясь. Но и не разделяясь. И это — тоже род. Может быть — самый трудный. Может быть — самый настоящий.

Как читать эту книгу

Книга состоит из восьми глав и эпилога.

Это не просто приключения — это разговор. С тобой. О

тебе.

После каждой главы — два блока.

«Мой огонь» — для подростка

Этот блок — для тебя.

Здесь вопросы. Не простые. Такие, на которые нельзя ответить одним словом. Над которыми надо подумать. Которые касаются тебя — твоей жизни, твоей семьи, твоих чувств.

Здесь задания. Не для галочки. Такие, которые надо сделать в реальном мире. Сегодня, не завтра. Такие, что оставят след — в тебе, в твоей семье, в твоей памяти.

Здесь рефлексия. Не проверка. А разговор с собой. Что я узнал? Что почувствовал? Что сделал? Что хочу сделать дальше?

«Мой огонь» — это твой путь. Ты идёшь сам. Ты решаешь сам. Ты зажигаешь сам.

«Моя мудрость» — для взрослого

Этот блок — для родителей, учителей, всех, кто рядом с подростком. Для тех, кто хочет быть рядом — но не знает как.

Здесь не объяснения. Не инструкции. Не готовые решения.

Здесь — о внимании. О настройке. О присутствии. Как спросить — не допрашивая. Как помочь — не делая за ребёнка. Как быть рядом — не мешая.

Здесь — истории. О том, как другие взрослые проходили

через это. Ошибались. Находили.

«Моя мудрость» — не урок. Это приглашение. Быть рядом. Молчать вместе. Вспоминать вместе. Искать вместе.

Об исторической основе

Эта книга — художественная. Но не выдуманная из головы.

Племена — те же. Радимичи. Вятичи. Кривичи. Они жили на этих землях. Говорили на одном языке. Имели общие корни. Но в VI веке они ещё только складывались. Названия этих племён мы знаем по «Повести временных лет» (XII век). В VI веке это были предки этих племён — носители археологических культур: колочинской (радимичи), мощинской (вятичи), псковских длинных курганов (кривичи). Славяне расселялись по Восточно-Европейской равнине. Смешивались с местными балтами и финно-уграми. Перенимали друг у друга обычаи и украшения. Но главное — язык, вера и память предков — было уже общим.

Три племени разводили огонь по-разному. Радимичи — кремнем. Вятичи — лучком, трением. Кривичи — огнивом, железом о камень. Три способа — три огня — одно тепло. Разные — но рядом. Так и племена.

Узоры на одежде — разные. Радимичские «змеи» — ромбы. Вятичские «молнии» — ломаные линии. Кривичские «ветви» — растительные, плавные. Разные. Но — рядом. На одном берегу. У одного костра.

Враги — новые.

Бойники — тайные воинские братства. Славяне, отпавшие от рода. Жили отдельно от общин. Часто — в лесах. В перевёрнутых челнах, вкопанных в землю. Чёлн — лодка, вырубленная из цельного ствола. Перевернуть чёлн, вкопать в землю — значит отказаться от реки. Отказаться от пути. Стать изгоем. Не по крови — по выбору. При выходе на «промысел» надевали волчьи шкуры. Император Маврикий писал о славянах: «они живут точно разбойники, всегда готовые подняться с места».

Авары — кочевники, пришедшие из прикаспийских степей в середине VI века. Они подчиняли славянские племена, использовали их как «пушечное мясо». «Повесть временных лет» описывает унижение славян-дулебов: аварин «не давал запрягать ни коня, ни вола, а приказывал заложить в телегу 3, 4, 5 женщин, и они везли его». Авары ежегодно приходили зимовать к славянам, отнимали жён и дочерей.

Но авары — не только враги. Они — люди. Со своими детьми. Со своими ранами. Со своей правдой. Тэнгиз — аварский мальчик — не выдумка. Это напоминание: враг — не абстракция. Враг — человек. И если ты умеешь видеть человека — ты можешь остановить войну. Хотя бы на день.

Узлы. Славяне вязали узлы, от которых зависела жизнь. Прямой — для пленников: тянет — затягивается, дёргаешь — хуже. Булинь — для сетей: затягивается под весом, но легко развязывается. Прочный — и свободный. Скользящую

петлю можно снять без ножа — если знаешь как: не тянуть, а повернуть против жилы. Знание — оружие.

Яд. Славяне использовали аконит — «царь-зелье». Им мазали наконечники стрел. Даже царапина валила коня. Аконит рос по болотам и оврагам. Знали, где собирать. Знали, как разводить. Знали, как мазать. Яд — не для убийства. Яд — для войны. Для защиты.

Лечение. Славяне лечили холодом, не теплом. При обморожении не греют, а прикладывают снег, лёд, холодную воду. Личинками очищали раны — белые черви ели только мёртвое, живое не трогали. Землёй останавливали яд — «земля лечит, земля берёт, земля — мать». Травами — подорожник, крапива (до цветения, только листья), тысячелистник. Всё это — не выдумка. Это — знание, которое передавалось от деда к внуку. От ведуна к ученику. От — рода к роду.

Боги — те же. Род. Макошь. Перун. Велес. Лада. Морена. Ярило. Даждьбог. Жива. Стрибог. Сварог. Но теперь они — рядом. Они — в дороге. Они — в плену. Они — в выборе. И у каждого — свой запах. Перун — озон и раскалённое железо. Лада — парное молоко и липовый цвет. Боги — не образы. Боги — сенсорный опыт.

Духи — те же. Домовой. Леший. Русалка. Кикимора. Банник. Овинник. Болотник. Полевой. Водяной. Но теперь они — помогают. Или — мешают. Или — учат. Или — смешат. Потому что даже в самые сложные моменты есть место смеху. Кикиморы поют частушки про ленивых лягушек — и

бойники бегут. Юмор — не предательство чувств. Юмор — способ выжить. Способ не сойти с ума. Способ остаться человеком.

Обычаи — те же. Тризна. Обряд памяти. Календарные праздники. Вече. Кровная месть. Умыкание невест. Многожёнство. Но теперь они — в действии. Они — в жизни. Они — в выборе.

Календарь — реальный. Карачун. Водосвет. Громница. Масленица. Змеев день. Купала. Перунов день. Каждый праздник — своё время. Своё событие. Своё настроение.

Десна — река, где встречались радимичи и вятичи. Место встречи. Место диалога. Место книги.

Три принципа славянской педагогики

В первой книге ты узнал их. Теперь — примени.

— Чтить предков. Помнить имена. Знать род. Чувствовать нить, которая связывает тебя с теми, кто был до.

— Славить родных богов. Видеть в мире живое. Понимать язык природы. Жить по Правде — не по правилам, а по совести.

— Жить в гармонии с природой и по совести. Слышать голос рода. Действовать по со-вести — совместной вести от богов и предков.

Радим учится первому. Он ищет сестру — идёт через лес, через болото, через Навь. Добывает огонь из собственных ладоней. Отдаёт нож бойникам — и проходит. Развязывает

петлю без лезвия. Знание — оружие.

Вятша учится второму. Он идёт к аварам — не с мечом, со знанием. И связывает. Врага — с собой. Войну — с миром. Силу — с правдой. Потом — к бойникам. В темноту. Без факела. Ему ломают ключицу — он уходит и не бьёт. Кладёт дубовую ветку в чужой костёр.

Любава учится третьему. Она слышит реку. Лес. Богов. Голос возвращается через боль — от ледяной воды, от спазма. Она освобождает лисёнка из капкана — первое противостояние человеческой жестокости. Она поёт колыбельную — и авары засыпают. Творчество — оружие.

Тэнгиз учится всему сразу. Потому что он — между. Между аварами и славянами. Между врагом и другом. Между войной и миром. И он — выбирает. Не ту сторону. А — человека.

А ты? Чему учишься ты?

Твой огонь

Эта книга — о них. Радиме. Вятше. Любаве. Тэнгизе.

Но на самом деле — о тебе.

Потому что у каждого — свой огонь. Свой путь. Своя нить.

Ты уже зажёг свой огонь. В первой книге. Когда читал. Когда думал. Когда делал. Когда отвечал на вопросы. Когда выполнял задания. Когда — был. С ними. Вместе.

Теперь — иди. С ними. По дороге. К встрече. К плену. К

бою. К другу — которого никто не ждал. К выбору — который изменит всё. К — жизни.

Ты готов?

Тогда — открой первую страницу.

Вперёд. К огню. К памяти. К себе.

Глава 1. «Пропавшая»

1

Ждана пропала на рассвете.

Мать влетела в полуземлянку — простоволосая, с растрёпанной косой, в рубахе, испачканной золой. Глаза круглые, губы шевелятся, а звука нет. Только тычет пальцем куда-то за спину, туда, где за частоколом чернел лес.

Радим сначала не понял. Подумал — пожар. Или хазары. Он уже вскочил с лавки, уже схватил рубаху, уже сунул ноги в поршни — те самые, с ромбическим узором, «змеиным», как носили все радимичи, — уже взял с полки нож. И тут мать наконец выдохнула:

— Ждана. За хворостом пошла. К оврагу. До темноты. Не вернулась.

И всё. Вчерашний день — тот самый, когда он наконечник выковал, когда дед сказал «Теперь ты не никто», когда весь род смотрел на него и улыбался, — отступил. Стал далёким. Как будто всю жизнь была только эта минута. Только эти слова. Только этот холодный, острый, как нож, страх.

Ждана. Сестра. Младшая. Семь лет.

Отец вышел из кузницы. Горазд — широкий, тёмнобородый, с руками, чёрными от сажи. Он услышал. Он понял. Он стоял и хмурился. Но молчал. И это молчание было страшнее крика.

— Идти надо, — сказал он наконец. — Сейчас. Пока не стемнело.

Он шагнул к выходу. И оступился.

Радим увидел это своими глазами. Отец — кузнец, силач, человек, который подковывал коней и гнул железо, — оступился. Схватился за стену. Побледнел.

— Горазд? — мать подскочила. — Горазд!

Отец махнул рукой. Сел на лавку. Стиснул зубы.

— Нога, — сказал дед Велимир. Он стоял на пороге своей полуземлянки, старый, седой, с посохом в руке. Как всегда. Как будто ничего не случилось. — Вчера с крыши упал. Когда снег сбрасывал. Я видел. Он не сказал никому.

Радим обернулся к отцу. Горазд смотрел в пол. Молчал.

— Почему не сказал? — прошептал Радим.

— Потому что кузница, — ответил отец. — Потому что заказ. Потому что — я.

Он попробовал встать. Снова оступился. Снова сел.

Мать металась между ним и Радимом. Она бы пошла сама. Но кто останется с Драгомиром? С младшим? Кто будет топить печь, варить кашу, таскать воду?

В избе повисла тишина. Плотная. Густая. Как кисель.

Радим посмотрел на деда. Дед смотрел на него. Долго. Молча.

— Иди, — сказал дед. — Один.

Радим кивнул. Он не взял наконечник. Наконечник — для охоты. Для дела. Для отца. А Ждана — в лесу. Ночью. Одна.

Он взял только нож. И руны. Кору с «чертами и резами», которые вырезал тайком, по ночам, три луны. Сунул за пазуху. Натянул кожух. Подпоясался ремешком с медной бляхой.

Кору с рунами он сунул за пазуху рядом с ножом. Пальцы сами нашли её, привычно прощупали знаки. Он сжал кору в кулаке. И пошёл.

2

А на дворе был Карачун.

Самый короткий день в году. Самая длинная ночь. Ночь, когда сам Чернобог спускается на землю — пощупать, кто тут живёт, кто его боится, кто забыл про него. Ночь, когда грань между Явью и Навью становится тонкой, как ледок на реке.

Радим знал это. С детства. С колыбели. С бабушкиных сказок. С дедовых рассказов. С тех самых ночей, когда вся семья сидела у очага, а ветер выл в трубе, а кто-то ходил по крыше. И дед говорил: «Не выходи. Нельзя. Не твоя это ночь».

В эти дни в роду гасили старый огонь в очаге и добывали новый — трением. Чтобы год начался с чистого огня. Чтобы тьма не осталась. Радим видел это один раз, маленьким. Дед тёр палку о палку, долго, упрямо, и когда вспыхнуло — все молчали. Потому что живой огонь — это не спичка. Это жизнь, которую добывают руками.

А Ждана — в лесу. Одна. В Карачун.

Один параметр: он один. Второй: ночь, самая длинная в

году. Третий: лес зимой не прощает ошибок. Каждый — отдельный страх. Вместе — смертельный.

Мороз стоял лютый. Дыхание вырывалось изо рта белым облаком и оседало инеем на вороте. Снег скрипел под ногами, как будто кто-то невидимый шёл рядом и тоже скрипел — в такт. Деревья трещали — не от ветра, а от холода. От самого нутра. Лопались изнутри, как орехи.

Радим шёл по тропе. Смотрел. Слушал. Читал.

Следы. Вот Жданины. Маленькие. Узкие. Она шла туда, вглубь, к оврагу. Вот ещё. Вот ещё. Она свернула. К старому дубу. К тому месту, где летом они собирали землянику, где бабушка пела песни, где было тепло и светло.

Лес стоял стеной. Чёрный. Молчаливый. Сосны — высокие, прямые, как копья, — уходили в небо, и не было видно, где кончаются. Ели — мохнатые, тяжёлые, — опустили ветви до самой земли, и под ними было темно, как в берлоге. Берёзы — белые, тонкие, — стояли, как невесты, но невесты эти были мёртвые: ни листа, ни почки, только голые ветви, покрытые инеем.

Радим шёл. Ноги вязли в снегу. Ветки хлестали по лицу. Он не замечал. Он читал.

Зарубка на берёзе. Свежая. Ждана. Она умела. Он научил. Ещё одна. Кривая. Она торопилась. Боялась. Ещё одна. Совсем слабая. Как будто сил не осталось.

Вот заячий след. Петляет. Вот лисий. Ровный, как стрела. Вот волчий. Тяжёлый, глубокий. Волчица. Одна. Не стая.

А вот ещё что-то. Не звериное. Не человеческое. Что-то, от чего шерсть на загривке поднимается. Что-то, от чего хочется обернуться. Но оборачиваться нельзя. Нельзя. Не в Карачун.

На ветке ели висела паутина. Одна-единственная нить — тонкая, серебристая, натянутая между веткой и сучком. Радим остановился. Потрогал. Нить не порвалась. Прочная. Тонкая. Тёплая, хотя мороз. Как будто кто-то сплёл её сейчас. Здесь. Зимой. Когда пауки спят.

Он постоял. Потом пошёл дальше. Нить осталась за спиной. Но он её запомнил.

А чуть дальше — на снегу, под кустом — узор. Не след. Узор. Кружевной. Как будто кто-то положил ткань на снег и поднял — а отпечаток остался. Ромбы, треугольники, косые линии. Как узор на поршнях. Как вышивка на рубахе. Только — на снегу. Кто мог ткать на снегу?

Радим не стал думать. Не время. Ждана — впереди. Он сжал кору с рунами в кармане. Ногтем чиркнул по знаку — привычно, машинально — и пошёл. Быстрее.

3

Леший появился внезапно.

Радим даже не понял сначала, откуда. Просто шёл, смотрел под ноги, читал следы — и вдруг понял, что перед ним кто-то стоит. Высокий. Прямой, как сосна. С бородой изо мха, зелёной, мягкой, как весенняя трава. С глазами, как два лесных озера, тёмных, глубоких, спокойных. В руке — дуд-

ка. Длинная, тонкая. Он не играл. Просто держал.

— Стой, — сказал Леший.

Не громко. Даже тихо. Но Радим остановился сам, без команды. Просто ноги встали, и всё.

— Мне надо, — сказал Радим. — Сестра. Ждана. В лесу.

— Знаю, — кивнул Леший. — Видел. Она там. У болота. У старого дуба. Сидит. Плачет.

— Тогда пропусти.

— Не могу. Сегодня Карачун. Сегодня Навь рядом. Сегодня Морена ходит. Сегодня ты живой. А туда живым нельзя.

— Ждана тоже живая, — сказал Радим. — И она там.

Леший замолчал. Смотрел на него долго. Внимательно. Как будто взвешивал. Как будто решал — человек перед ним или так, пустое место.

— Ты знаешь знаки, — сказал он наконец. — Покажи.

Радим достал кору. Ту самую. С «чертами и резами». Протянул. Пальцы дрожали — но не от страха. От холода. Кора была тёплая, как будто хранила тепло рук, которые её вырезали.

Леший взял. Посмотрел. Долго. Очень долго. Потом хмыкнул.

— Ты не волхв. Ты мальчишка. Но ты знаешь. И ты идёшь. За сестрой. В Навь. В Карачун.

— Да, — сказал Радим. — Иду.

Леший снова замолчал. Смотрел на руны, потом на Радима, потом на лес. На тёмный, глубокий, страшный лес, кото-

рый сейчас был не Явью, а чем-то другим. Чем-то, что живёт по своим законам.

— Хорошо. Ты пройдёшь. Но не просто так. Три испытания. Пройдёшь — пропущу. Не пройдёшь — останешься. Здесь. Навсегда.

Радим сглотнул. Кивнул.

— Первое. Назови три имени. Кто ты?

Радим замер. Он знал, что это значит. Он знал, что от ответа зависит всё. Он вспомнил деда, который говорил: «Имя — это не просто слово. Это судьба». И он сказал:

— Я Радим. Сын Горазда. Внук Велимира. Правнук Ждана. Правнук Любавы. Правнук Вятича. Я Радей. Тот, кто радеет. За род. За память. За всех.

Леший смотрел на него. Долго. Молча. Потом кивнул.

— Ты знаешь себя. Хорошо. Второе испытание. Отдай самое дорогое.

Радим замер. Он подумал о ноже. О книге деда. О рунах. О Ждане. О матери. О себе. А потом понял: самое дорогое — это не вещь. Это страх. Тот самый страх, который гнал его через лес. Тот самый страх, который не давал дышать.

— Я отдаю страх, — сказал Радим. — Я отдаю его тебе, Леший. Хозяин леса. Я не боюсь больше.

Леший смотрел на него. Долго. Молча. Потом улыбнулся. Едва заметно. Уголком губ.

— Ты отдал то, что мешало. Хорошо. Третье испытание. Ответь на вопрос. Зачем тебе Ирие?

Радим замер. Он не знал, что ответить. Он мог сказать: «Затем, что надо». Он мог сказать: «Затем, что я хочу». Но он сказал другое:

— Затем, что не мне. Им. Ждане. Матери. Отцу. Роду. Всем. Я иду не за собой. Я иду за ними.

Леший смотрел на него. Долго. Очень долго. Потом отступил. И сказал:

— Ты прошёл. Ты не мальчишка. Ты мужчина. Ты свой. Иди. Но помни: Явь за спиной. Навь впереди. Правь над головой. Не забывай, кто ты. Не забывай, откуда. Не забывай, куда.

Он исчез. Как будто его и не было. Только мох на сосне покачался. Только дудка где-то вдалеке, тонко, протяжно заиграла.

Радим пошёл дальше. Пальцы снова нашли кору за пазухой. Сжали. Отпустили. Он шёл.

4

Болото было чёрным. Даже под снегом. Даже под льдом. Чёрным, как бездна. Как Навь. Как смерть.

Радим остановился. Посмотрел. Он знал это место. Все знали. Болото не для человека. Болото для духов. Для Болотника. Для тех, кто не вернулся.

Один параметр: болото. Второй: под снегом не видно, где твёрдо, а где провал. Третий: если провалишься — вылезти нельзя. Грязь держит, как руки.

Он шагнул. Осторожно. На кочку. На другую. На третью.

Кочки качались. Пружинили. Держали. Пока держали.

А потом одна не выдержала.

Радим провалился. По пояс. В холод. В грязь. В темноту.

И тут изменился звук. Всё изменилось. Как будто кто-то заткнул ему уши глиной. Голоса с берега — далёкие, глухие, как из-под воды — пропали. Вместо них — низкий гул. Тяжёлый. Из глубины. Из-под земли. А из трещины в кочке — пар. Тонкий. Серый. Пахнущий серой и тиной. Запах щипал нос, забивал горло. Запах Нави. Запах того, что не должно быть на поверхности.

Радим дёрнулся. Ещё раз. Ещё. Тяжело. Медленно. Как будто кто-то держал его за ноги. Как будто кто-то тянул вниз. В Навь. К себе.

Он рванулся изо всех сил. Выбрался. На четвереньках. На берег. Мокрый. Грязный.

Без поршней. Один поршень остался в болоте. Утонул в чёрной жиже. Второй — слетел с ноги, когда он рвался наверх. Кожаный, с ромбическим «змеиным» узором радимичей — ушёл в грязь, как в пасть.

Радим сел. Посмотрел на ноги. Босые. Красные. Мокрые. Он не чувствовал холода. Пока. Потом почувствует. Потом будет больно. Потом будет страшно.

Он знал: долго так не пройдёт. Но и останавливаться нельзя — кто остановился, тот замёрз. Он встал и пошёл. Быстро. Бегом. Чтобы кровь бежала. Чтобы не думать. Чтобы дойти. Ступни теряли чувствительность — сначала ныли, потом го-

рели, потом онемели. Он бежал. Босиком. По снегу. По льду. По мёрзлой земле. Если остановится — кровь застынет. Если пойдёт шагом — застынет. Только бег. Только движение. Только жизнь.

Он поднял голову. Посмотрел на болото. Долго. Молча. И понял: просто так не пройдёт. Болотник не показывался. Но он был. Везде. В каждой кочке. В каждой яме. В каждой тени.

Радим встал. Пошёл. Осторожно. На кочку. На другую. На третью. Но кочки ломались. Все. Одна за другой. Как будто кто-то — невидимый, злой, старый — ломал их. Нарочно. Назло. Чтобы не прошёл.

Он остановился. Стоял на последней. Вокруг — вода. Глубокая. Холодная. Смертельная. Он не знал, что делать. Прыгать? Плыть? Кричать? И тогда он сел. Прямо на кочку. Прямо в грязь. И стал думать.

Он думал о деде. О том, как дед учил его: «Болото не терпит спешки. Но и не терпит страха. Кто боится — тонет. Кто спешит — тонет. Кто думает — проходит». Он думал о книге. О том, что в ней было написано. О живом огне. О трении. О жизни.

И он понял. Болотник боится не просто огня. Он боится живого огня. Того, что от трения. Того, что от жизни. Потому что болото — это смерть. А живой огонь — это жизнь. И жизнь сильнее.

Радим оглянулся. Нашёл сухую палку. Потом вторую. По-

том третью. Они были мокрые. Но сухие внутри. Он знал. Он чувствовал. Он сел. На кочку. Положил палку на палку. И начал тереть.

Долго. Больно.

Ладони горели. Не от трения — от холода. Кожа на пальцах потрескалась, когда он бежал босиком. Теперь трение разрывало трещины глубже. Волдыри набухли — один, второй, третий — и лопнули. Кровь выступила. Тёплая. Красная. Живая. Она стекала по палке и смешивалась с грязью. А он тёр. Тёр. Тёр.

Боль была такая, что хотелось бросить. Отпустить. Убрать руки. Но он знал: если бросит — не будет огня. Не будет жизни. Не будет Жданы. Боль — это плата. Боль — это пропуск. Боль — условие прохода.

Он знал, что нужен трут. Он вспомнил, как дед показывал: береста, что под корой берёзы, — сухая даже в дождь. Он наскрёб бересты. Мелкой, как пыль. Положил под палки. И снова стал тереть. Ладони — в крови. Кожа — содрана. Пальцы не слушались. Но он тёр.

А Болотник смотрел. Из глубины. Из Нави. Из тьмы. Он не показывался. Но смотрел. И ждал. Что будет. Кто победит. Жизнь или смерть. Огонь или болото. Кровь или тина.

И тогда вспыхнуло. Маленькое. Слабое. Но живое. Огонь. Живой огонь. От трения. От боли. От крови. От жизни.

Болото дрогнуло. Кочки затряслись. Вода забурлила. А из глубины — из Нави — из тьмы — раздался голос. Глухой.

Хриплый. Как будто кто-то говорил через воду. Через грязь. Через смерть.

— Ты добыл огонь.

Радим молчал. Смотрел в болото. Долго. Молча. Ладони горели. Кровь запеклась. Но в кулаке — горела жизнь.

— Ты не просто мальчишка, — сказал голос. — Ты живой. Ты свой. Иди. Но помни: Навь не отпускает. Навь берёт.

Радим встал. Пошёл. Босиком. По снегу. По льду. По земле. Дальше. С огнём в ладонях. С жизнью.

5

На болоте он потерял поршни, и дальше шёл босиком. Снег обжигал, но Радим не замечал. Он думал о Ждане, о деде, о книге. О том, что теперь знает про живой огонь, который можно добыть трением. Что огонь — не дар. Что огонь — боль. Что огонь — жизнь. Что жизнь стоит боли.

Он вышел на поляну у старого дуба и остановился.

Волчица лежала у корней.

Он понял это сразу, по запаху. Потом увидел. Она была большая, серая, с тяжёлым загривком. На боку темнела рана — глубокая, с запёкшейся кровью и грязью. Она дышала тяжело, хрипло. А рядом с ней, у самого её живота, копошились волчата. Маленькие, слепые, ещё не научившиеся бояться.

Волчата были не её. Она нашла их. Может, мать убили. Может, сама потеряла своих. Но она их не бросила. И теперь умирала рядом с ними.

Радим замер.

Он знал, что говорят про волков. Что они не нападают на людей, если не ранены и не защищают детёнышей. И что нельзя поворачиваться спиной. И что нельзя смотреть в глаза — это вызов. И что нельзя бежать — это добыча.

Но это были просто слова. А перед ним лежала волчица. Раненая. С детёнышами. И она смотрела на него.

Радим не двинулся. Долго. Очень долго. Он стоял и смотрел — не в глаза, чуть выше, на уши. Он не отводил взгляда. Он не бежал. Он просто стоял.

Волчица зарычала. Тихо. Глубоко. Из горла.

Радим не шевельнулся.

Он вспомнил деда. Дед говорил: «Зверь чувствует страх. Но зверь чувствует и другое. Он чувствует, когда ты не хочешь зла. Он это чует. Не словами. Шкурой. Кровью».

Радим медленно опустился на корточки. Не потому что хотел показаться меньше. Потому что так было проще ждать. И он стал ждать.

Волчица рычала. Долго. Потом замолчала. Потом снова зарычала — громче, злее. Она попробовала встать. Зубы оскалились. Жёлтые. Клыки. Она дернулась в его сторону — не атаковала, но показала: уйди. Уйди. Не трогай. Не подходи.

Радим не отступил. Но и не двинулся вперёд. Сидел. Ждал.

Волчица снова легла. Тяжело. С трудом. Снова зарычала

— тише. Потом замолчала. Потом положила голову на лапы. Потом закрыла глаза. Она была слишком слаба, чтобы нападать. Слишком слаба, чтобы защищаться. Но не слишком слаба, чтобы рычать. Чтобы предупреждать. Чтобы сказать: я ещё здесь. Я ещё живая.

Радим смотрел на неё. И думал.

Он мог уйти. Это было бы правильно. Он не воин, не охотник, не ведун. Он просто мальчишка с книгой и рунами. У него нет сил на драку с волчицей. И нет времени — Ждана ждёт. И нет права — он идёт не за собой, а за сестрой.

Но он не ушёл.

Он вспомнил, как дед учил его останавливать кровь. Обычной водой и мхом. Он вспомнил, что рана на боку не смертельная, если её промыть и закрыть. Он вспомнил, что у него в сумке есть кусок сушёного мяса. Для себя. На дорогу.

Он достал мясо. Медленно. Не глядя на волчицу. Положил на снег. Отодвинулся.

Волчица открыла глаза. Посмотрела на мясо. Потом на него. Оскалилась. Не тронула. Закрыла глаза снова.

Не доверяет. Ещё не верит.

Радим подождал. Потом встал. Потом подошёл к роднику. Набрал воды в ладони. Вернулся. Медленно. Не глядя в глаза. Вылил воду на рану.

Волчица вздрогнула. Зарычала. Дёрнулась. Клыки блеснули. Радим отступил. Быстро. Но не побежал. Подождал. Снова подошёл. Снова вылил воду.

Волчица зарычала снова — но тише. Скорее от боли, чем от злости. Радим стоял. Ждал. Потом подошёл в третий раз. Вылил воду. Волчица не зарычала. Вздохнула. Тяжело. Глубоко. Как вздыхает тот, кто устал сопротивляться.

Так, раз за разом, он промыл рану. Потом приложил мох. Потом прижал рукой — сильно, чтобы остановить кровь. Волчица смотрела на него. Он смотрел выше её глаз, на уши.

Он не говорил с ней. Не читал рун. Не делал ничего волшебного. Он просто делал то, что делал бы для человека. Промывал. Закрывал. Ждал.

Через долгое время волчица лизнула его руку. Один раз. Шершавым языком. Потом положила голову на лапы и закрыла глаза. Она не уснула. Она просто перестала бояться.

Радим сидел рядом. Долго. Волчата копошились у её живота. Они были живы. И она тоже.

А издалека, едва слышно, донеслось тоненькое: Жданина припевка. Та самая, которую она пела всегда, когда собирала хворост. Короткая, простая, радимичская: две строчки, а потом — «ой, да ладо, ой». Радим не слышал слов — слишком далеко. Но мелодию узнал. Ждана. Живая. Пела.

Потом волчица встала. Медленно. Тяжело. Посмотрела на него. И пошла. В лес. Вглубь. Туда, где темно. Туда, где страшно. Туда, где Ждана.

Радим пошёл за ней.

6

Бойники стояли на тропе. Двое. В волчьих шкурах. С но-

жами. С глазами. Пустыми. Злыми. Голодными.

Радим остановился. Волчица рядом. Оскалилась. Тихо. Но готова.

Бойники смотрели. Долго. Молча. Один — старший. Седая прядь в волосах. Шрам на щеке. Второй — молодой. Почти мальчишка. Лет пятнадцати. Может, меньше.

— Ты не наш, — сказал старший. Голос хриплый. Глухой. Как будто он давно не говорил с людьми. Как будто разучился. — Ты из рода. Из тех, кто живёт в тепле. Кто ест кашу. Кто спит под крышей.

— Я Радим. Сын Горазда. Внук Велимира. Я ищу сестру. Ждану.

— Знаем, — сказал старший. — Видели. Она там. У болота. В яме. Сидит. Плачет.

— Тогда пропустите.

— Пропустите, — старший усмехнулся. Криво. Горько. — Ты думаешь, это так просто? Пропустите. Мы бойники. Мы те, кто ушёл. Кто не захотел жить по вашим законам. Кто выбрал лес. Волю. Свободу. А ты из рода. Из тех, кто нас выгнал. Из тех, кто забыл про нас. И ты хочешь, чтобы мы просто так тебя пропустили?

Молодой — тот, что почти мальчишка, — смотрел на Радима. Внимательно. Как будто ждал чего-то. Как будто надеялся. Как будто сам не знал, на что.

Радим понял: просто так не пройдёт. Не потому что злые. А потому что гордые. Потому что обиженные. Потому что

забытые.

— Я не прошу, — сказал Радим. — Я просто иду. За сестрой. За Жданой.

— И что ты нам дашь? — старший шагнул вперёд. — Что ты можешь дать бойнику? Еду? Нет. Одежду? Нет. Оружие? Нет. Что у тебя есть, мальчишка?

Радим молчал. Смотрел на них. Долго. Потом опустил руку в сумку. Достал нож. Тот самый. Кованый. Отцовский. Посмотрел на лезвие. На своё отражение — смутное, тёмное. Потом протянул старшему. Рукоятью вперёд.

— Возьми. Хороший нож. Отец делал. Кованый. Крепкий. Тебе нужнее.

Старший взял. Посмотрел. Долго. Очень долго. Провёл пальцем по лезвию. По рукояти. По памяти. Потом передал молодому. Молодой посмотрел. Ещё дольше. Потом поднял глаза на Радима. И в этих глазах было что-то такое, чего Радим не ожидал. Что-то, что было сильнее гордости. Что-то, что было сильнее всего.

— Хороший нож, — сказал молодой. Тихо.

Радим кивнул. Потом снова опустил руку в сумку. Достал мясо. Сушёное. То, что осталось. Последнее. Он делил его на дорогу. На три дня. Может, на четыре. Он положил мясо на снег. Разделил. Ровно. Пополам. Одну половину себе. Одну им.

— Это еда. Сушёное мясо. Вкусное. Берите. Половину. Потому что надо.

Старший смотрел на мясо. Долго. Потом на Радима. Потом на молодого. Потом на волчицу. Потом на лес. На свой лес. На свою волю. На свою свободу.

— Ты отдал нож. Ты отдал еду. Что у тебя осталось?

Радим достал кору. Ту самую. С рунами. Подержал в пальцах. Ногтем чиркнул по знаку — привычно. Посмотрел на бойников.

— Книга, — сказал Радим. — Память. И я. Этого хватит.

Старший молчал. Очень долго. Потом кивнул. Молча. Потом сказал:

— Иди. Но помни: мы рядом. Всегда. Если что — мы придём.

Они отступили. Исчезли. Как тени. Как волки. Как те, кто был. И кто будет.

Радим пошёл дальше. Босиком. Без ножа. С половиной мяса. Но с волчицей. С книгой. С рунами. С собой.

7

Яму выкопали охотники.

Не для людей. Для зверя. На волка. На медведя. Глубокую, в рост человека, с отвесными стенками, с земляным дном. Сверху её прикрывали ветками и листьями, чтобы зверь не видел. Ставили такие ямы в глухих местах, у звериных троп. И уходили. А потом возвращались — либо за добычей, либо за тем, чтобы закопать пустую.

Эту яму выкопали осенью. До снега. До Карачуна. Хозяева не вернулись. Может, умерли. Может, ушли на юг, к теп-

лу. Может, мор забрал. А может — бойники. Яма осталась. Ничья. Как всё в этом лесу.

Ждана шла через лес, читала зарубки, которые Радим вырезал на берёзах, — и не заметила, как провалилась. Ветки хрустнули. Листья осыпались. И она упала на дно. В темноту. В холод. В одиночество.

Она сидела там второй день. Голодная. Замёрзшая. Испуганная. Она кричала сначала. Потом перестала. Потом просто сидела. Обхватив колени. Плакала. Тихо. Беззвучно. Как умеют плакать только дети. Когда никто не видит. Когда никто не слышит. Когда кажется, что весь мир тебя забыл.

Радим нашёл её по следу. Он шёл по зарубкам, которые сам вырезал, и вдруг заметил, что след оборвался. Он остановился. Посмотрел. Присел. Раздвинул ветки. И увидел. Маленькую фигурку на дне. Светлые волосы. Съёженные плечи.

— Ждана.

Она подняла голову. Посмотрела. Долго. Не узнавала. Потом узнала. Глаза расширились. Рот открылся. Слёзы потекли. Быстро. Горячо. Много.

— Радим, — прошептала она. — Радим.

Он попробовал спуститься. Опустился на край, нащупал ногой стенку. Земля осыпалась под пальцами. Мокрая, скользкая, холодная. Он попробовал ещё раз. Ещё. Стенки были отвесные. Руки скользили. Он чуть не сорвался сам.

Он сел на край. Посмотрел вниз. Посмотрел на Ждану.

Долго. Молча.

— Я вытащу тебя. Слышишь? Вытащу.

Она кивнула. Молча. Слёзы текли по щекам.

Радим встал. Оглянулся. Лес стоял вокруг — тёмный, молчаливый. Он искал глазами сухое дерево. Или длинную палку. Или верёвку. У него ничего не было. Ни ножа. Ни верёвки. Ни ничего.

Он пошёл в лес. Один.

Он нашёл сухостой — старое дерево, которое стояло без коры, серое, мёртвое. Он толкнул его. Оно не поддалось. Он толкнул сильнее. Оно дрогнуло. Он толкнул ещё раз. И ещё. И оно упало. С грохотом. С треском. Прямо поперёк ямы. Или почти. Край не дотянул.

Радим подтащил ствол ближе. Ещё ближе. Ещё. Ободрал руки. Содрал кожу на ладонях — поверх волдырей от огнива. Кровь выступила. Но ствол лёг. Как надо. Как мост. Как путь. Как жизнь.

Он снова сел на край. Спустил ноги. Взялся за ствол. И полез. Вниз. Медленно. Осторожно. Ногами в стенку. Руками за ствол. Долго. Трудно. Но полез.

Он спустился на дно. Ждана смотрела на него. Широко раскрытыми глазами. Не верила. Боялась. Надеялась. Всё сразу.

— Пойдём. Сначала ты. Потом я.

Он поднял её. На руки. Поднял высоко. Она была лёгкая. Как птенец. Как жизнь. Он поднял её к стволу. Она ухва-

тилась. Он подтолкнул. Она полезла. Медленно. Неуклюже. Детскими руками. Детскими ногами. Но полезла. Вверх. К свету. К небу. К жизни.

Она выбралась. Лежала на краю. Дышала. Плакала. Смеялась. Всё сразу.

А Радим остался внизу. Один. В темноте. В холоде. В яме. Он посмотрел наверх. На небо. На маленькую фигурку сестры. И улыбнулся. Тихо. Светло. Своё.

Он подтянулся. Взялся за ствол. Полез. Руки скользили — кровь мешала. Ноги срывались. Но он лез. Долго. Трудно. Больно. Но лез. Потому что надо. Потому что Ждана. Потому что он.

Он выбрался. Упал на снег. Рядом с Жданой. Дышал. Тяжело. Глубоко. Живо.

Они лежали на снегу. Двое. Брат и сестра. Живые. Свои. И молчали. Просто молчали. Тихо. Светло. Своё.

Потом Радим встал. Поднял Ждану. На руки. Понёс. Долго. Через лес. Через болото. Через страх. Она спала. Уткнувшись в его плечо. Дышала. Ровно. Глубоко. Живая.

А он шёл. Босиком. По снегу. Ступни не чувствовали. Кора с рунами — за пазухой. Пальцы — не слушались. Но он шёл. Потому что Ждана — на руках. Потому что домой.

8

Дома их ждали.

Мать стояла у порога — простоволосая, с растрёпанной косой, с руками, испачканными в золе. Она увидела их изда-

лека. Сначала Радима. Потом Ждану у него на руках. И заплакала. Громко. Не сдерживаясь. Как плачут только матери.

Отец вышел из кузницы. Горазд. Широкий. Тёмнобородый. С руками, чёрными от сажи. Он остановился. Посмотрел на сына. Долго. Молча. Потом кивнул. Один раз. Но Радим понял всё.

Он опустил Ждану на землю. Она побежала к матери. Обняла её. Заплакала. Мать обняла её. Крепко. Молча.

Радим стоял. Смотрел на них. На мать. На отца. На Ждану. И чувствовал что-то. Тихое. Глубокое. Как река. Как память. Как жизнь.

А потом отец подошёл. Близко. Посмотрел на сына. Долго. Потом сказал:

— Нож?

Радим опустил глаза. Молчал. Долго. Потом сказал:

— Отдал.

Отец смотрел на него. Долго. Тяжело. Потом спросил:

— Кому?

— Бойникам. На тропе. Они требовали дань. У меня ничего не было. Только нож. И еда. Я отдал половину еды. И нож.

Отец молчал. Смотрел на него. Долго. Очень долго. Потом сказал:

— Это был мой нож. Я его ковал. Для тебя. В тот день, когда ты родился.

Радим вздрогнул. Он не знал этого. Никогда не знал.

— Я хотел, чтобы ты носил его. Чтобы помнил. Чтобы был. А ты отдал.

— Я не мог иначе, — сказал Радим. — Они бы меня убили. Или не пропустили. А Ждана там. В яме. Я не мог.

Отец смотрел на него. Долго. Потом положил руку на плечо. Тяжёлую. Тёплую. Живую.

— Знаю, — сказал он. — Ты не я. Ты другой. Ты Радим. Сын Горазда. Внук Велимира. Ты нить. Ты память. Ты род. И ты вернул сестру. Это главное.

Он убрал руку. Пошёл к кузнице. У порога обернулся:

— Нож я тебе новый выкую. Ещё лучше. Но помни: тот нож не просто железо. Это память. А память не отдают. Память возвращают.

Он ушёл. Радим остался. Стоял. Смотрел ему вслед. И чувствовал что-то. Тихое. Глубокое. Как река. Как память. Как жизнь.

А потом Ждана подбежала. Обняла. Крепко. Молча.

— Ты вернулся.

— Вернулся.

— Ты мой брат.

— Твой.

— Ты самый лучший.

— Знаю.

Она засмеялась. Он тоже. Они стояли. Двое. Брат и сестра. Живые. Свои.

А над рекой стоял туман. Белый. Густой. Тяжёлый. И

на ветке ивового куста, у самой воды, висела паутина. Одна-единственная нить. Тонкая. Серебристая. Такая же, как в лесу. Радим увидел. Замер. Посмотрел. Нить не дрожала. Не рвалась. Висела — ровно, прямо, как будто кто-то держал её с двух сторон.

Он не сказал никому. Постоял. Потом пошёл в дом. К огню. К своим.

Конец первой главы.

«Мой огонь» — для подростка

Я после главы

Ждана пропала. Радим пошёл в лес один. Ночью. В Карачун. Босиком. Без ножа. И вернул сестру.

Что ты почувствовал, когда читал? Страх за Радима? Радость, когда он выбрался из ямы? А может, что-то другое — чему трудно найти название?

Бывало в твоей жизни так, что нужно было сделать что-то важное — а рядом никого не было? Что ты чувствовал тогда?

Что я смогу

Славяне VI века охотились с луком и стрелами. Наконечники — костяные и железные. Ставили петли и силки. Копали ловчие ямы — глубокие, с отвесными стенками, на звериных тропах. Умели читать следы: заячий петляет, лисий идёт ровно, волчий — тяжёлый и глубокий. Зимой находили су-

хостой — дерево, мёртвое снаружи, но сухое внутри. Из него добывали огонь трением: палка о палку, трут из бересты.

Задание для мальчика. Научись читать следы. В лесу, в парке, во дворе. Найди три разных следа: заячий, собачий, птичий. Определи, кто оставил, куда шёл, торопился или нет. Запиши три вывода. Это навык, который помогал выжить охотнику.

Задание для девочки. Радим промыл волчице рану водой и закрыл мхом. Научись останавливать кровь. Подорожник, крапива, тысячелистник. Для крапивы: собирай до цветения, бери только листья — тогда она не будет жгучей после сушки. Сушёные листья заваривают как чай и прикладывают к ране. Научись разжигать огонь без спичек — береста, сухая трава, кремень. Запиши, что получилось. Это не «на всякий случай». Это то, что женщина в роду умела всегда.

Пойди — сделай

Придумай игру для младших. Игра должна учить одному из трёх: читать следы, звать на помощь, подавать сигнал без слов.

Что придумать: идею игры — в чём суть; правила — как играть; как определить победителя.

Не просто запиши правила. Собери детей — и поиграй. Потом спроси: понравилось? Что было трудно? Запиши, что сказали.

Потом — найди того, кому нужна помощь. Сегодня. Не завтра. Младший брат, сестра, одноклассник. Помоги. Это

твоё дело.

Поделись своими результатами в группе «Три огня» ВКонтакте — vk.ru/triognya.

«Моя мудрость» — для родителя и семьи

Что я почувствовал

Радим пошёл в лес один. Ночью. В Карачун. За сестрой. Отец не мог — нога. Дед не пошёл — стар. Мать осталась с младшим. Пошёл мальчишка. Тринадцать лет.

Что вы почувствовали, когда читали? Тревогу? Гордость? Может быть, вспомнили случай, когда ваш ребёнок оказался один в трудной ситуации — а вы не могли помочь?

Запишите эти чувства. Не для отчёта. Для себя. Они — точка отсчёта для разговора.

Разговор с ребёнком

Спросите ребёнка: что ты почувствовал, когда Радим пошёл в лес один? Какой смысл ты увидел? Какие ценности здесь проявились?

Потом спросите: где в твоей жизни эти ценности проявляются? Приведи пример — не из книги. А где не проявляются? Где ты хотел бы быть смелым, но не получается?

В славянской традиции дорога — это школа. Мальчика с семи лет учили мужским делам: охота, следы, оружие. Девочку — женским: травы, огонь, вода, дом. И когда приходила беда, каждый знал своё место в общем деле. Не потому

что так удобнее. А потому что иначе род не выживет.

Спросите ребёнка: а что ты уже умеешь? Что умеешь делать лучше других? А чему хотел бы научиться?

Не оценивайте. Не толкуйте. Слушайте.

Делаем вместе

Следы. Сходите в парк или лес. Найдите три следа: сломанную ветку, примятую траву, отпечаток на земле. Обсудите, кто оставил. Сфотографируйте. Получится альбом «Следы».

Спасительное действие. Разучите одно действие, которое может спасти: разжечь огонь без спичек, остановить кровь травой, подать сигнал голосом или светом. Снимите на видео. Пусть ребёнок сам показывает.

Памятка. Составьте памятку «Что делать, если потерялся / если кто-то поранился / если в доме пожар». Повесьте на стену.

Семейный совет. Соберите всех на 30 минут. Тема: «Что делать, если в доме беда?» Каждый называет ситуацию. Вместе придумайте, что делать. Запишите. Повесьте на стену. Через месяц проверьте.

Поделитесь своими результатами в группе «Три огня» — vk.ru/triognya. Другие семьи тоже ищут свои нити. Можно узнать друг у друга, как.

Что я вижу в своём ребёнке

Герои главы проявили пять качеств. Каждое можно увидеть и в вашем ребёнке.

Смелость. Радим пошёл в лес, хотя боялся. Наблюдайте: берётся ли ребёнок за трудное дело, даже если боится? Запишите два-три случая за неделю.

Наблюдательность. Радим читал следы. Попросите ребёнка описать, что он заметил по дороге в школу. Сравните с тем, что заметили вы.

Умение думать, когда трудно. Радим сел и стал думать, когда кочки ломались. Наблюдайте: останавливается ли ребёнок, когда не знает, что делать? Или бросается силой? Запишите.

Умение отдавать. Радим отдал нож бойникам. Спросите: «Бывало, что ты отдал что-то своё — время, вещь, силы — чтобы получить что-то важнее?» Запишите рассказ.

Умение помочь тому, кто слабее. Радим помог волчице. Спросите: «Случалось ли тебе помогать тому, кому было плохо, хотя мог не помогать?»

Запишите. Это не для отчёта. Это для вас.

Глава 2. «Дань»

1

Авары пришли в конце Велесовых святок. За три дня до Малого Водокреса.

Вятша был на реке. С утра. С отцом. Они проверяли верши, плетёные ловушки из ивовых прутьев, поставленные подо льдом. Зима не зима, а рыбу ловить надо. Потому что есть надо. Потому что род кормить надо.

Отец, Буйтур, сидел на корточках у проруби. Широкий. Плотный. С короткой бычьей шеей. С шрамом от скулы до ключицы, который белел на морозе, как старая верёвка. Он вытаскивал вершу. Медленно. Осторожно. Руки в ледяной воде, по локоть, красные, как сырое мясо.

На Вятше была рубаха с вышивкой — геометрический узор, «молнии», как шили все вятичи: прямые углы, ломаные линии, без завитков, без цветов. Строго. Чётко. Как молния — бьёт прямо.

— Лещ, — сказал отец. — Большой. Глянь.

Вятша глянул. Лещ и правда был хорош. С ладонь. Может, больше. Серебристый, толстый, с тёмной спиной.

— Хорош, — сказал Вятша.

— Хорош, — согласился отец. — Будет уха. Будет сила.

Он бросил леща в плетёную корзину. Потом ещё одного. Поменьше. Потом щуку. Длинную, злую, с зубами. Щука би-

лась. Буйтур держал её крепко. Не вырывалась.

А потом — с посёлка — прибежал мальчишка. Сотан. Десять лет. Сын кузнеца. Босиком по снегу, без кожуха, рубаха нараспашку. Лицо белое. Глаза круглые. Дышит — пар столбом.

— Следы! — крикнул он. — На большой тропе! Конские! Много! Свежие! Не наши!

Буйтур встал. Медленно. Вытер руки о поршни. Посмотрел на Сотана. Потом на Вятшу.

— Сколько? — спросил он.

— Не считал. Много. Двадцать? Тридцать? Во! — Сотан показал руками, широко, как будто ловил небо. — Глубокие. Тяжёлые. Подковы. Кованые. Не наши. Наши не куют. Наши — лыжи. Эти — кони.

Буйтур молчал. Долго. Потом сказал:

— Иди. Скажи старейшинам. Пусть соберутся. У моего костра. Сейчас.

Сотан убежал. Босиком. Быстро. Как заяц.

Буйтур посмотрел на Вятшу. Долго. Молча. И в этом взгляде было всё, что нужно было понять.

— Авары, — сказал он. — Идём.

Они бросили верши. Бросили рыбу. Бросили корзину. Побежали.

2

Старейшины уже сидели у костра Буйтура. Трое. Дед Вятко — старый, седой, с палкой. Лысоватый, с лицом как морё-

ный дуб. Дубыня — широкий, рыжебородый, с руками толщиной в бревно. Снегирь — худой, быстрый, с глазами как у хорька. Все — в вятичских рубахах с «молниями». Все — молчаливые.

Вятша остановился за углом полуземлянки. Слышал. Слушал.

— Следы — на большой тропе, — говорил Снегирь. — Свежие. Конские. Подкованные. Идут от юга. От степи. Прямо к нам.

— Сколько? — спросил дед Вятко.

— Двадцать. Может, тридцать. Все верховые.

— Авары, — сказал Дубыня. Тихо. Как будто выплюнул.

— Или хазары, — сказал Снегирь.

— Нет, — сказал Вятко. — Хазары не ходят зимой. Хазары — осенью. Авары — когда хотят. Авары — всегда.

Тишина. Костёр трещал. Дым шёл в небо. Серое. Низкое. Зимнее.

— Что делать? — спросил Дубыня.

— Ждать, — сказал Вятко. — Не идти к ним. Пусть придут. Пусть покажут, что хотят. Тогда решим.

— А если они уже идут? — спросил Снегирь.

— Тогда — готовься, — сказал Вятко. — Мечи — наготове. Луки — наготове. Женщин и детей — в землянки. Пусть не видят.

Вятша слушал. Молчал. Сжимал кулаки. Распускал. Снова сжимал. У него не было меча. Мечислав обещал — но ещё

не дал. Нож — отцовский, короткий, на поясе. Топор — у двери. Лук — свой, детский, не боевой. Против аваров — что? Что он может?

Он не знал. Но стоял. Слушал. Ждал.

А потом услышали.

Сначала собаки. В посёлке. Залаяли. Все сразу. Громко. Тревожно. Потом крики. Женские. Высокие. Резкие. Потом топот. Конский. Тяжёлый. Много.

3

Посёлок вятичей стоял на высоком берегу Оки. Семь полуземлянок. Разбросанных по склону. Без порядка. Без системы. Как привыкли. Как деды ставили. Вокруг ров. За рвом частокол. Из заострённых брёвен. Вкопанных в землю. Плотно. Крепко.

Но авары уже были внутри.

Вятша остановился на холме. Посмотрел. Их было много. Всадников. Двадцать? Тридцать? Может, больше. На низких, крепких конях. В кожаных доспехах. С луками. С саблями. С лицами тёмными, обветренными, спокойными. Как у людей, которые делают свою работу. Давно. Привычно.

Они не кричали. Не размахивали оружием. Не жгли дома. Пока. Они стояли. Смотрели. Ждали. Тихие. Механистичные. Как механизм. Как мясорубка, которую крутят. Без крика. Без злости. Без слов. Единственный звук — сухой щелчок тетивы, которую кто-то проверял, и глухой стук копыт по мёрзлой земле, когда конь переступил с ноги на ногу. Ти-

шина аваров была страшнее крика. Потому что крик — это страсть. А тишина — это работа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.